

ФИЛАНТРОПИЯ: МИЛОСТЫНЯ ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ? *

Опубликовано: Общественные науки и современность. 1998, № 5. С. 51–60

В российском общественном мнении благотворительность как правило воспринимается и понимается как усовершенствованная и поставленная на поток раздача материальных благ (в первую очередь денег и оборудования, но также пищи и одежды). Необходимо усилие для того, чтобы увидеть благотворительность в бесплатном предоставлении услуг, передаче знаний и умений. Установка же благотворителя на то, что благотворительность может быть средством воздействия на социальную практику, воспринимается с глубоким подозрением и может встречаться общественным мнением в штыки. По поводу памятных еще дебатов в Государственной Думе предыдущего созыва относительно деятельности Фонда Дж.Сороса кто-то иронизировал: идет, де, борьба за не доставшийся кусок пирога, кто-то принял за чистую монету утверждения некоторых парламентариев, что через Фонд осуществляется разведывательная деятельность. Действительной же подоплекой враждебности в отношении *независимых* благотворительных фондов (а большинство из них - иностранных корней), надо думать, была интуиция того, что деятельностью фондов не просто распределяются материальные ресурсы, но и проводится определенная социальная политика.

Здесь возникает существенный вопрос о том, что такое филантропия и какими должны быть филантропические организации.

Что такое филантропия?

Филантропия (благотворительность) - это деятельность, посредством которой частные ресурсы добровольно распределяются их обладателями в целях содействия нуждающимся (в широком смысле слова¹) людям, решения общественных проблем, а также усовершенствования условий общественной жизни.

В качестве частных ресурсов могут выступать как финансовые и материальные средства, так способности и энергия людей. Благотворительность нередко понимают как подачу милостыни. В мотивах и ценностных основаниях благотворительности и милостыни есть много общего. Но как определенного рода общественная практика благотворительность отличается от милостыни. *Милостыня* представляет собой индивидуальное и частное действие; как правило она дается просто нуждающимся, даже без явной просьбы со стороны последних. Она сориентирована на ослабление суровой и не терпящей промедления нужды. *Благотворительность* же носит организованный и по преимуществу безличный характер. Даже в случаях обеспечения реализации индивидуальных начинаний (проектов) она имеет в виду общественно значимые цели. Она осуществляется по плану, по специально разработанным программам. Вклады в

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта по гранту Программы поддержки исследований (Research Support Scheme) Института "Открытое общество" Фонда Дж.Сороса.

университеты, музеи, больницы, храмы, экологические проекты, равно и в фонды, берущие на себя рациональное распределение собранных средств, - все это филантропия, независимо от того, направляется ли помощь именно бедным или тем, кто нуждается в помощи². Милостыня - это помощь в насущно необходимом.

Филантропия также проявляет себя в ситуациях необходимой неотложной помощи (голодающим, терпящим бедствие и т.д.). Масштабные национальные и международные филантропические акции по оказанию *гуманитарной помощи* отдельным населенным пунктам или целым районам и даже народам, оказавшимся в острой нужде из-за стихийного бедствия, военного конфликта или экономической катастрофы, предпринимаются постоянно, в особенности в последние десятилетия. Однако опыт показывает, что такого рода помощь наиболее эффективно осуществляется государственными организациями или при поддержке государственных служб (имея в виду необходимость экстренной мобилизации ресурсов, привлечения дорогостоящих транспортных средств и т.д.). Более того, любая чрезвычайная помощь или систематическая помощь остро нуждающимся, по-видимому, должна быть предметом государственного или государством организованного и субсидируемого попечения, поскольку филантропия - добровольна. Чрезвычайная помощь или систематическая помощь остро нуждающимся должны быть неперенными, иными словами, не зависящими от чьей-то доброй воли. Филантропия же, помогая в насущно *необходимом*, - также может поддерживать людей и организации просто в *желаемом*. В этом плане филантропия представляет собой дополнительный фактор автономии и свободы людей - как индивидуальных лиц, так и организованных в сообщества.

В последние десятилетия (по крайней мере начиная с шестидесятых годов) сложилось устойчивое представление о филантропии не только как о денежных и имущественных пожертвованиях, но и как о безвозмездной деятельности - об "общественной деятельности" в собственном смысле этого слова³. Такую деятельность называют еще "добровольной", хотя иностранное слово "волонтерская", принятое в русском языке для обозначения иного рода вещей, здесь, может быть, более уместно⁴.

Филантропия, как было сказано, это *деятельность, направленная на общее благо* (понимаемое в первую очередь как благо сообщества или общества в целом). Точная квалификация такого рода деятельности имеет важное значение не только с социологической, но и юридической точки зрения в обществах, где благотворительная деятельность и благотворительные взносы освобождаются от налогов. Например, по определению Д. Берлингема, к такого рода деятельности следует относить деятельность: (а) цели которой выходят за рамки интересов семьи и непосредственных друзей; (б) которая не предпринимается с целью получения прибыли (в) или по административному распоряжению⁵. Очевидно, что это - неоплачиваемая деятельность. Очевидно, что сюда относится деятельность групп взаимопомощи и разного рода гражданских инициатив⁶, деятельность в рамках профессионального и культурного развития, природо- и культуро-охранных акций и кампаний. Но правомерно ли относить сюда и деятельность активистов политических кампаний, как это сделано в Налоговом кодексе США, и не принимать во внимание различия между кампаниями, проводимыми группами гражданской инициативы по реализации некоторых политических

целей, и кампаниями, проводимыми политическими партиями, которые с определенной периодичностью участвуют в выборах, и любые их акции могут трактоваться как предвыборные? И наоборот, правомерно ли *не* считать филантропической любую деятельность, приносящую экономическую прибыль, - даже в тех случаях, когда квалифицированно можно установить, что получаемая прибыль используется для развития самой филантропической деятельности и на филантропические цели.

Наконец, филантропической является и деятельность, в которой реализуются, помимо общественных, и личные интересы, в частности такая, которая предпринимается исключительно из личных интересов, но посредством которой достигаются и общественно значимые результаты. "Гордость и тщеславие построили больше больниц, чем все добродетели вместе взятые"¹⁷, - это заслуживающее внимания, не без сарказма высказанное Б.Мандевилем замечание, как раз указывает на возможность такого парадоксального сопряжения частных и общих интересов, которое может смущать чуткое нравственное чувство, но должно быть, тем не менее, предметом разумного внимания законодателя, заинтересованного в стимулировании филантропии.

Безразличный для законодателя, но существенный в плане социальной стратификации и социальной мобильности момент заключается в том, что филантропия (в странах с давними ее традициями) является знаком социального статуса. Речь не идет об архаичных стереотипах, отражавших ту практику благотворительности и помощи (в средневековом обществе), когда благодеяние оказывал богатый бедному, но в социально определенной ситуации отношений старшего и младшего; - когда сам факт благодеяния обозначал (а в более поздние времена - устанавливал) положение включенных в ситуацию людей. В наше время элементы той практики в снятом виде сохраняются в рамках филантропии *традиционных элит* - разумеется в странах со стабильными традициями филантропии. Среди богатых денежные пожертвования как правило сочетаются с членством в общественных организациях. Но это членство, в то же время, нередко зависит не от размера внесенной на благотворительность суммы, а от *фамилии* (в этимологическом буквальном смысле это слова - "семья") благотворителя. Для современной аристократии филантропия, несомненно, - знак социального статуса; она становится элементом образа жизни, средством обозначения места благотворительствующего человека в обществе и поддержания чувства идентичности. Элита заботится о своей исключительности и препятствует даже таким формам ее размывания, как вхождение в советы попечителей филантропических организаций людей со стороны, пусть и богатых из высшего класса (но не элиты). Однако особенность филантропии элиты заключается в том, что поддерживаемые ею филантропические организации как правило выделяют средства не индивидам, а общественным организациям - на определенные программы. Филантропические организации по-своему зависят от организаций-реципиентов. Поэтому филантропия элиты оказывается обусловленной не только целями и приоритетами элиты, но и потребностями и эволюцией тех общественных организаций, которые она поддерживает. Финансовые интересы организаций-реципиентов воздействуют на мышление и поведение элиты, представители которой выступают их донорами и попечителями.

В этом пространстве также складывается драматическое единство частных и общих интересов. Элита реализует свой частный (корпоративно-статусный) интерес, содействуя некоторым общим интересам. Опросы, проведенные среди представителей элиты, традиционно участвующих в филантропической деятельности, показывают, что филантропия может осуществляться в отсутствие доброжелательности или желания помочь и мотивом филантропических решений для многих из них является не помощь как таковая, а поддержание собственного престижа через сопричастность организации, которая оказывает помощь⁸.

Учитывая все сказанное выше о филантропии, насколько обоснованно было бы предположение, что эта деятельность, в которой жертвуются материальные и личностные ресурсы, может осуществляться нецеленаправленно, без серьезного и ответственного планирования, призванного обеспечить максимальную эффективность этой деятельности? Ответ здесь столь очевиден, что сам вопрос можно считать риторическим. Филантропические усилия могут быть и неэффективными. Но по крайней мере в идеале филантропия - это всегда целенаправленная, программно организованная, планомерная, сориентированная на позитивный практический результат деятельность. Также очевидно, что планированию подлежит не только исполнительская работа организации. Исходя из своих уставных задач, она принимает решения, формирует программы, разрабатывает или инициирует проекты. Через определение целевых задач и приоритетов, программирование и проектирование филантропическая организация в той мере, в какой ее деятельность имеет общественный резонанс и социальный эффект, осуществляет определенную политику, утверждает свою идеологию, или философию. Необходим поворот в общественном мнении для осознания очевидности того, что организованная филантропия - это не повышенная в масштабах милостыня. Это - один из механизмов, обеспечивающих стабильность развитого гражданского общества.

Благотворительные фонды и социальная политика государства

Как бы филантропичны ни были филантропы, общество заинтересовано в определенных ограничениях их деятельности, которые гарантировали бы его независимость от частных филантропов. Эти ограничения предполагаются уже самой квалификацией *филантропического фонда*, определяющей его правовой статус, как негосударственной, некоммерческой, самоуправляющейся через попечителей или директоров организации, которая обладает безвозмездно предоставленным капиталом, распределяемым в виде грантов (субсидий/стипендий) или призов, призванных содействовать социальной, образовательной, благотворительной, религиозной и др. деятельности, направленной на общее благо⁹.

Этой квалификацией задаются ограничения как на коммерческую деятельность, что, очевидно, не вызывает споров, так и на политическую деятельность. К определению филантропического фонда можно добавить, что это - организация не только некоммерческая и негосударственная, но и не ставящая перед собой непосредственных политических целей: филантропические организации не должны быть ни "машинами пропаганды", ни стимуляторами негативной по отношению к общественному status quo деятельности, будь то прямые действия граждан и гражданских организаций или лоббирование в законодательных ор-

ганах новых законов, не говоря, конечно, о поддержке политических партий и движений.

Но эти ограничения должны носить не только запретительный, но и стимулирующий характер. Частные фонды, если они действительно существуют (и существуют как частные), могут играть в обществе особую роль. Разумеется, нереалистично ожидать, что с их помощью будут решены все социальные проблемы, до которых у государства не доходят руки (из-за нехватки финансовых ресурсов, нерасторопности госструктур или чиновников, маргинальности самих проблем). Но непременно следует ожидать, что фонды со всей полнотой и эффективно смогут реализовать то особое положение, которым они обладают в обществе. У фондов нет чудодейственных рецептов, но они имеют неповторимую для общественного института возможность быть независимыми от рыночных механизмов или давления избирателей, благодаря чему они могут в решении сложных общественных проблем строить долгосрочные стратегии и аккумулировать значительные интеллектуальные и профессиональные ресурсы для их компетентного и неконъюнктурного практического воплощения.

Филантропические организации это негосударственные организации. Последнее характеризует не только их юридический статус. Они открыты обществу во многих отношениях. Учитывая этические аспекты оказания и получения помощи, их активность может и не быть совершенно публичной. Хотя многие филантропические фонды специально оговаривают, что списки победителей конкурсов и краткие отчеты по проектам могут быть опубликованы в специальных изданиях. Но деятельность филантропических организаций безусловно прозрачна для уполномоченных представителей гражданского общества и контролирующих органов государства. Другое дело, что необходимо обсуждение того, что в деятельности филантропических фондов или отдельных благотворителей подлежит общественному и государственному контролю и каковы могут быть рациональные критерии для оценки, равно как и самооценки, филантропической деятельности.

Фонды располагают и распоряжаются огромными финансовыми ресурсами, подчас сопоставимыми с некоторыми статьями государственного бюджета. Очевидно, что это обстоятельство неоднозначно: масштабы и возможные социальные последствия вызывают оправданный вопрос о соотношении фондов как института гражданского общества и государства. Этот вопрос касается даже не контроля, а власти: кому при таких значительных масштабах деятельности фондов в определенных сферах общественной жизни принадлежит приоритет и, стало быть, власть - негосударственным фондам или государству. Одновременно встает вопрос и о подотчетности негосударственных фондов обществу. Этот вопрос актуален не только в бедных обществах, в которых действуют (напрямую или через свои филиалы) богатые заграничные фонды, подчас способные конкурировать с государством в реализации отдельных направлений социальной, научно-образовательной или культурной политики. И в такой богатейшей стране, как США, эта проблема, как показывают материалы прессы, стоит не менее остро.

Проблеме соотношения правительственной (государственной) социальной помощи и частной благотворительности уделял специальное внимание Дж.С. Милль еще во времена, когда частная филантропия не получила полномасштаб-

ного, на уровне общества в целом, институционального развития. Между правительственной помощью и частной благотворительностью имеются существенные различия. Главное из них заключается в том, что правительственная помощь носит именно государственный характер, сориентирована на интересы государства, подчас именно конъюнктурные, и интересы конкретных людей при этом часто не принимаются действительно во внимание¹⁰. В этом состоит несомненное достоинство государственной помощи: она может быть безличной (и от того восприниматься как бездушная), но она - неременна. Она должна быть неременной, поэтому обеспечение неимущих, настаивал Милль, должно зависеть от закона, а не от частной благотворительности. Про старую благотворительность, т.е. ту благотворительность, которую Милль имел возможность наблюдать, он говорил, что у нее нет возможности для планомерности и систематичности: в одном месте много, в другом - мало. Но то же можно сказать и про современную благотворительность: она не претендует на всеохватность, хотя порой и способна на нее¹¹.

Милль предъявлял особые требования к государству по поводу неременности помощи неимущим. Его аргументация была по-своему неотразимой: "Поскольку государство по необходимости должно содержать неимущего преступника, пока он отбывает свое наказание, то не делать того же для бедняка, не совершившего никакого преступления, значит вознаграждать за преступления"¹². Так что государство должно помогать неимущим. Другое дело, что эта, как и всякая другая, помощь должна быть рациональной. Миллю принадлежит важная формулировка, которую можно было бы назвать "*прагматическим правилом*" благотворительности: "Если помощь предоставляется таким образом, что положение лица, получающего ее, оказывается не хуже положения человека, обходившегося без таковой, и если к тому же на эту помощь могли заранее рассчитывать, то она вредна; но если, будучи доступной для каждого, эта помощь побуждает человека по возможности обходиться без нее, то она в большинстве случаев полезна"¹³. По сути дела, для Милля это и было основным регулирующим ограничением филантропии. А что сверх помощи неимущим, то как не неременное, но только желательное, может быть уступлено частной благотворительности: в отличие от государственной помощи она может позволить себе делать различие между отдельными случаями действительной нищеты, чтобы кому-то помогать, а кому-то - нет: помощь, идущая от частной благотворительности избирательна, здесь важно лишь, чтобы распределители помощи не брали на себя функции инквизиторов и руководствовались рациональными мотивами, а не капризом¹⁴.

Сколь ни проницателен был Милль, формулируя "*прагматическое правило*" помощи, он не рассмотрел существенной практической разницы между государственной помощью и частной филантропией. Нет нужды обращать внимание на то, что аргумент "от преступников" не убедителен, но только остроумен и, безусловно, моралистичен: государство обращает внимание на преступников и окружает их вниманием пенитенциарных учреждений не инициативно, а вынужденно, в ответ на произведенные ими противоправные действия. Неимущие и нуждающиеся не провоцируют *таким образом* внимание государства и они не настолько опасны, как преступники. Существо дела же в другом. Как показывает разнообразный опыт, именно на ниве государственной помощи, независимо

от характера государственной системы, имеют место самые крупные злоупотребления, и чем "государственнее" государство, т.е. чем меньше оно контролируется обществом, тем больший масштаб приобретают злоупотребления. Злоупотребления встречаются и в деятельности частных благотворительных фондов; однако обычно более строгий контроль со стороны попечительских советов фондов, а также фискальных служб государства в действительности существенно эффективнее блокирует такие нарушения. К тому же частные филантропические фонды не зависят от государственного бюджета. Они более маневренны и оперативны в оказании помощи, в особенности программной и, как уже говорилось, менее подвержены конъюнктуре.

Роль частной благотворительности в западной истории XX столетия трудно переоценить. Именно активная деятельность филантропических фондов привела к снижению радикализма в политической борьбе, находившейся в зените в XIX в.¹⁵. Было бы упрощением представлять дело таким образом, что фондам путем финансовых вливаний удалось задобрить политических активистов народной оппозиции и таким образом сбить накал политической борьбы. С самого начала фонды Рокфеллера, Карнеги, затем Форда стремились к научной обоснованности своей деятельности. Крупные промышленные и финансовые магнаты - Рокфеллер, Карнеги, Форд и т.д. - приложили все усилия, чтобы организационная сторона филантропии была рационализирована не меньше, чем известная им экономическая деятельность. Филантропические фонды часто критикуют за то, что ими фактически управляют бюрократы. Однако если говорить о первых трех китах современной филантропии, то основатели этих фондов намеренно приглашали профессионалов - для наиболее эффективной организации филантропической деятельности. В ходе развития благотворительных фондов фактически произошла организационная революция, благодаря которой постепенно сформировалось новое пространство общественной практики, где в основе принятия решений и оценки их исполнения лежит экспертиза профессионалов, а не тех, кто осуществляет общее управление или исполняет решения¹⁶.

В другой статье на эту тему¹⁷ я уже отмечал, что во второй половине прошлого столетия в деятельности американских филантропических организаций произошли значительные перемены, обусловленные переворотом во взглядах на филантропию. Ее предназначение связывается с усовершенствованием общества: абстрактное еще для кого-то "*благо ближнего*" наполняется конкретным смыслом блага сограждан, блага общества. Смысл филантропии усматривается в распределении не просто потребительских благ, а средств, с помощью которых люди сами могут достичь (приобрести) потребительские блага. Такое понимание общественной миссии филантропии предполагало ее перестройку как общественно значимой и целенаправленной деятельности на принципах научности, технологичности, планирования и контролирования результатов. Исходя из новейших результатов развития конкретных ("позитивных") социальных наук, организаторы филантропии, а это были главным образом крупные частные фонды, попытались применить в этой сфере принципы *социальной инженерии*, предполагавшие формулировку проблем в терминах объективно фиксируемых критериев, определение поддающихся контролю целей и тщательный выбор средств обеспечивающих достижение конструктивных практических результа-

тов. При этом определенно предполагалось, что технологизация филантропии не подменяет милосердности: филантропия принципиально нереволюционна и она не должна разрушать существующий порядок ради нового порядка - жизнь меняется силами самих людей, а не активистов-филантропов; филантропы лишь инициируют эти изменения.

Благодаря своей многопрофильности фонды в Америке первой трети двадцатого столетия стали выполнять по отношению к образованию, науке, культуре те функции, которые в Европе традиционно исполняло государство. Более того, в политическом плане широкое развитие филантропических фондов в Америке можно рассматривать как демократическую реакцию на закрытость для общества государственной машины, в которой ключевые роли принадлежали судам и партиям. Основание фондов открывало новый путь - в обход государства - к власти: к власти как способности воздействовать на социальные процессы.

Конечно, развитие фондов в США (а история американских негосударственных филантропических фондов представляет в этом отношении наилучший пример) было обусловлено не столько политическими, и не только филантропическими, сколько экономическими мотивами. Только на первый взгляд это развитие может показаться спонтанным. Так, особый рост количества негосударственных фондов в США - более, чем в два раза - наблюдается после Второй мировой войны и до середины 50-х годов, что объясняется общим экономическим ростом и налоговыми привилегиями. Однако Г.Форд и его сын Идел основали свой фонд в 1936 г., и они непосредственно исходили из того, что филантропические вложения освобождали от налогов и позволяли сохранять контроль над семейным капиталом¹⁸. Спустя тридцать лет новым налоговым законодательством США предполагалось, что доноры филантропических средств освобождаются от налогов на суммы пожертвования плюс 60% от этих сумм. Через двадцать лет, в 1987 г., новыми изменениями налогового законодательства привилегии филантропам еще более были уменьшены: освобождения касались только сумм пожертвований. И тем не менее, этот фактор является существенным для государственного стимулирования филантропии¹⁹. И, наоборот, снижение экономической активности вызывало общественные дискуссии вокруг филантропических фондов. Традиционно наибольшим нападкам частная филантропия подвергается со стороны левых критиков, требующих по крайней мере снять налоговые привилегия на суммы, пожертвованные на филантропические цели.

Особенное развитие дискуссии относительно социальной значимости частной филантропии получили на рубеже семидесятых годов. К этому времени в полной мере проявились как положительные, так и отрицательные тенденции социально и социально-политически ориентированной филантропии. Начиная с Карнеги и Форда филантропические фонды использовали свою огромную мощь для развития здравоохранения, образования, искусств. Широкие гражданские движения за равные политические и социальные права в Америке второй половины 50-х - 60-х годах привели к тому, что в деятельности крупнейших фондов - Форда, Рокфеллера, Карнеги, - приоритеты политики которых стали определять леволиберальные интеллектуалы, возобладали идеи коренного реформирования общества²⁰. Но к чему это привело? - Начиная с шестидесятых годов

адепты таких фондовых политик сделали благополучие одним из обязательных прав человека. Это в совокупности с расширенными программами государственной социальной помощи привело к тому, что в США выросло несколько поколений людей, привыкших к зависимости и не желающих социальной самостоятельности. Фонды всячески стремились к расширению размеров материальной компенсации неимущим, в этом проводимая ими линия не многим отличалась от социальной политики государства, провозгласившего курс на создание "общества всеобщего благоденствия", что только укрепляло социально-классовые перегородки. Одновременно проводимые этими фондами просветительские и образовательные программы для этнокультурных меньшинств, внешне вполне прогрессивные, реально способствовали размыванию традиционных для этих меньшинств ценностей и обострению свойственных им социально-экономических и социально-психологических (например, связанных с идентификацией) проблем. В какой-то момент фонды - эти могущественные институты гражданского общества - оказались в роли политических таранов, способных изнутри расшатать американскую систему.

Осознание пагубности такой фондовой политики заставило по-новому взглянуть на роль филантропических фондов в обществе - с точки зрения не доноров и не реципиентов филантропической помощи, а именно общества. Наиболее острый вопрос касался того, является ли жертвование и расходование средств делом самих жертвователей или оно должно быть предметом общественного контроля. Следующий вопрос касался стандартов осуществления выбора между общественными и частными интересами в определении приоритетов распределения филантропических средств. Далее, обсуждался вопрос относительно того, кому в конечном счете должны быть подотчетны и кому реально подотчетны фонды. Наконец, кто определяет приоритеты филантропической помощи и каковы критерии эффективности и полезности филантропических программ.

По-видимому, в эти годы происходит и очередное переосмысление роли филантропии в обществе. Под филантропией начинают понимать также общественную деятельность, и в качестве содержания филантропического действия рассматриваются не только денежные пожертвования, но и пожертвования личного времени, добровольные и безвозмездные профессиональные или личностные усилия, направляемые на общее благо, благо других людей.

Рациональность филантропии

Филантропия должна быть разумной, - несомненно рачительной и никогда не расточительной. Крупнейшие частные благотворительные фонды США²¹ не случайно носят имена знаменитый предпринимателей и финансистов - Рокфеллера, Карнеги, Форда, Сороса. Это - люди, сумевшие применить свои знания и талант на достижение успеха в экономической деятельности. Но их филантропическая деятельность не была бы столь же успешной, как их предпринимательская деятельность, если бы они просто щедро делились заработанной прибылью, а не распределяли бы средства, используя те же принципы рациональности, которые оправдали себя в деле приобретения средств.

Впрочем, эта мысль столь же древняя, сколь сама деятельность по благотворению. Интересные замечания на этот счет находим уже у Сенеки, в особенно-

сти в одном из трактатов, относящихся к последнему периоду его жизни, - "О счастливой жизни" (63-65 гг.). Рассуждая о мудреце, Сенека утверждал, что богатство нисколько не унижает мудреца, если оно нажито честным образом и если оно не унижает кого-либо, в том числе его самого. Богатство само по себе не ценно для мудреца, поэтому он с радостью будет его *раздаривать*. Однако не без разбору, но исходя из определенных принципов, поскольку он всегда отдает себе отчет как в расходах, так и в доходах. Сформулированные Сенекой положения вполне актуальны в качестве наиболее общих критериев филантропической деятельности, они развивают и уточняют прагматическое правило Милля. Щедрость мудреца универсальна: для него не важно, кому оказывать благодеяние - он благотворительствует просто людям. Но его щедрость осмотрительна, он выбирает для своей щедрости наиболее достойных для этого, имея в виду, что благотворительствовать следует хорошим людям или таким, которые могут стать хорошими благодаря помощи. Щедрость должна быть уместной и *целесообразной*, "потому что неудачный дар принадлежит к числу постыдных потерь"²². Мудрец именно дарит, т.е. он не предполагает получить обратно, но при этом он старается *не потерять*. Кому-то он дарит из *сострадания*, кому-то оказывает помощь, поскольку тот *заслуживает* того, чтобы его спасти от разорения, в отличие от другого, которому, как очевидно, никакая помощь не поможет; кому-то *предлагает* помощь, а кому-то *навязывает* ее. Мудрец, одаривая, не ожидает взаимности. Но к дару он относится так, как если бы это был кредит или вклад, прикидывая, можно ли будет возратить полученное; иными словами, насколько те, кому помогают, могут воспользоваться полученным на благо себе и, тем самым, не промотать его.

Все эти замечания свидетельствуют о том, что Сенека весьма прагматичен в отношении к благодеянию, для него благодеяние - не ритуал, не просто обычай и, конечно, не развлечение. В основе благодеяния лежит человечность, оно вдохновлено высокими мотивами. Но вместе с тем, это - дело; к нему надо подходить по-деловому, рационально, стремясь к тому, чтобы оно было эффективным и успешным. Высказанные Сенекой замечания относятся в первую очередь к индивидуальной благотворительности (они высказывались в отношении именно к индивидуальной благотворительности), однако они в полной мере сохраняют свое значение и по отношению к организованной благотворительности, тем более, что в наше время люди благотворительствуют индивидуально лишь посредством милостыни, чаще же и как правило - через посредников, очевидно, полагая (порой не безосновательно), что посредники, посвятившие себя благотворительности, представляют организацию, фонд, а на этом уровне благотворительная деятельность ведется эффективно, "по науке".

Понятно, что с увеличением масштаба благотворительной деятельности важность прагматических критериев особенно возрастает. Уже упомянутый выше рост филантропических фондов в США после Второй мировой войны дал толчок специальным исследованиям в области филантропии и постепенной выработке четких, доводимых до уровня стандарта критериев осуществления филантропической деятельности и ее оценки. Кризис филантропических идей в США на рубеже семидесятых годов усилил интерес к проблемам филантропии, в частности ее назначения в обществе. Уже в 1950 г. Ф.Е.Эндрюс, обобщая огромный эмпирический материал, связанный с деятельностью филантропиче-

ских фондов, формулирует основные стандарты "чистой" филантропической деятельности²³. Спустя более тридцати лет другой известный исследователь в этой области, В.Нильсен, в своей книге, посвященной крупнейшим фондам, "Золотые доноры", формулирует требования "максимальной функциональности" ("maximum feasible function") в деятельности филантропических фондов²⁴. Работа этих и других авторов позволяет обобщенно представить *критерии рациональности, легитимности и корректности* организованной филантропической деятельности.

Безусловно, любой фонд должен в своей деятельности: а) руководствоваться законом, б) не братья за задачи, не отвечающие филантропическим целям, в) избегать слишком тесных и тем более непрозрачных связей с конкретными субъектами бизнеса, г) сводить к минимуму административно-операционные расходы, д) быть полностью подотчетным государству и открытым для обществу. Таковы общие и обычные требования к деятельности фондов, аналогичные требованиям, предъявляемым фактически к любой негосударственной и некоммерческой организации.

Более детальные требования специфицированы в отношении основных целей и собственно содержания филантропической деятельности. В них по сути дела производится *прескриптивная конкретизация* тех характеристик, которые даны в определениях филантропии и филантропических фондов. Несомненно важно, чтобы фонд как некоторый общественный институт функционировал эффективно. Но критерий эффективности относится к фонду не только как социальному институту, но именно как филантропическому фонду. Стало быть, точнее говорить об эффективности именно филантропических программ, и тогда речь должна идти о том, в какой степени эти программы действительно способствуют увеличению *общего блага*²⁵.

Здесь важно принципиальное определение предмета рассмотрения. Само по себе выделение средств есть *благо-творительность*, и филантропическая поддержка (в виде ли грантов, призов или организации и осуществления деятельности) может восприниматься и нередко воспринимается как само по себе благо. Однако программа своим исполнением должна отвечать еще и назначению филантропической деятельности. Субсидируемые проекты отвечают конкретным социальным, образовательным, творческим, религиозным целям, и об эффективности конкретного проекта судят по тому, в какой мере и какой ценой были достигнуты заявленные проектные цели и задачи. На уровне отдельной программы или фонда можно задаться вопросом, насколько результаты, полученные в ходе осуществления проекта, отвечают приоритетным направлениям и целям программы или фонда в целом. Но успешность филантропической программы в конечном счете не определяется успешностью субсидированных в порядке ее осуществления проектов. Филантропическая деятельность должна отвечать критериям иного рода - надпредметным, не сводимым к конкретному профессиональному или профильному содержанию.

Для установления условного стандарта совершенства деятельности филантропических фондов целесообразно различать в ней два аспекта - "внутренний" и "внешний". Первый касается характера управления и функционирования фонда, второй - характера его выражения (презентации) в обществе.

Итак, (а) фонд должен концентрировать свои усилия на задачах, которые по своему масштабу и характеру соответствуют имеющимся у него ресурсам и возможностям.

(б) Каждому фонду при определении приоритетов и направлений своей деятельности следует принимать во внимание деятельность других фондов, - чтобы, конечно, избежать дублирования других эффективно работающих организаций, но также, насколько возможно, не оставить без внимания и поддержки те общественные проблемы, состояние которых представляет для общества наибольшую угрозу. Это могут быть наиболее сложные и трудные проблемы и, соответственно, - наименее привлекательные, если допустить, что фонды могут (между прочим) стремиться и к легкому успеху, и к широкой популярности.

(в) Общее управление фондом должно осуществлять активное и ответственное руководство в лице советов попечителей, работающих без компенсаций (на безвозмездной основе). Руководство фонда должно осуществлять действенный административный и финансовый контроль за деятельностью рабочих групп и программ, что предполагает систематическую и детальную квалифицированную и классифицированную оценку предполагаемых трат - как материальных, так и людских - по принимаемым программам. Фонд должен обеспечивать подготовку полных ежегодных отчетов, выполненных независимыми общественными уполномоченными или трастовыми компаниями (аудиторскими фирмами) и показывающих в должном порядке и детально все полученные и потраченные (распределенные) суммы.

(г) Вместе с тем, компетенция сотрудников и экспертов фонда должна соответствовать уровню лучших институтов соответствующих областей (что предполагает значительный уровень в оплате их труда), а их интеллектуальная энергия должна быть достаточной, чтобы инициировать насущные проекты, а не только оценивать и отбирать поступающие заявки. Только так фонды смогут реализовать те преимущества, которые у них есть. Конечно, специалисты в конкретных областях (социальной практики), представители конкретных сообществ, организаций или учреждений лучше знают положение дел в своей области; однако сотрудники и независимые эксперты, привлекаемые фондами, должны иметь более широкий взгляд на вещи и видеть за конкретными проблемами более общие потребности и тенденции.

(д) Фонд должен быть открытым, способным к взаимодействию и сотрудничеству с другими частными институтами, чей профиль отвечает его приоритетам и программам. Речь идет не только о других фондах, или грантополучателях данного фонда но и любых некоммерческих организациях. Эти сотни, если не тысячи, организаций являются не только "клиентурой" (пользователями, грантополучателями) фондов, но и инструментами, посредством которых фонды осуществляют свою политику²⁶.

(е) Фонд должен быть хорошо информированным о государственной политике и программах в областях, которые являются предметом его интереса. Фонд должен консультироваться и кооперироваться с соответствующими государственными и общественными организациями, действующими на местах, учитывать принятые местные программы и существующие бюджеты. Соответственно решения, принимаемые им, в частности по присуждению грантов, должны в

полной мере учитывать те усилия, которые предпринимаются в данной области государственными структурами и иными общественными организациями²⁷.

(ж) Фонд должен придерживаться этических (корректных) методов привлечения (стимулирования) доноров, добывания и использования средств. Не полагается (не следует) оплачивать услуги тех, кто проводит работу с донорами и обеспечивает поступление пожертвований, а также устраивать благотворительные представления (концерты, шоу, обеды), стоимость проведения которых превышает 30-40% от ожидаемого сбора.

Но для этого филантропическая деятельность, в аспекте ли благотворительных кампаний, проводимых в порядке частных инициатив, или в аспекте приоритетов грантовой политики различных фондов должна стать предметом широкого общественного внимания, в том числе средств массовой информации. В России внимание к филантропической деятельности со стороны правительственных и законодательных органов, ее правовая поддержка и привилегированное налогообложение не только существенно повысили бы статус благотворительности, но и, несомненно, позволили бы привлечь значительные частные капиталы (как правило "сливаемые" в теневую экономику или экспортируемые) для решения насущных и социально острых проблем (например, переобучения и профессиональной переориентации широких слоев населения, занятости молодежи, профилактики наркомании и алкоголизма), а также проблем развития среднего и университетского образования, сохранения и развития фундаментальной науки, культуры, поддержки новационных идей и оригинальных творческих инициатив. Поворот российского государства к филантропии знаменовал бы еще один шаг на его неровном пути по изживанию авторитаризма и этатизма, навстречу к развитому и активно функционирующему гражданскому обществу.

Учет этих критериев и применение их в практике организованной, в частности фондовой, благотворительности поможет поставить заслон на пути дилетантизма и неэффективности в этом важном секторе общественной деятельности.

¹ Под нуждающимися в данном случае понимаются не только живущие в *нужде*, но и испытывающие недостаток в дополнительных средствах для реализации своих личных и профессиональных интересов.

² *Ostrower F. Why the Wealthy Give: The Culture of Elite Philanthropy. Princeton: Princeton U.P., 1995. P. 4.*

³ Добровольная работа в благотворительных кампаниях может быть самой различной по своим функциям: всегда требуются организаторы (*sponsors*), зазывалы (*boosters*), добыватели денег ("фондрайзеры"), наставники (*coaches*), и ведущие (*leaders*) и т.д. (*Wythnow R. Rediscovering Community: the Cultural Potential of Caring Behavior and Voluntary Service. Indianapolis: The Indiana University Center of Philanthropy, 1992. P. 44*). Кстати говоря, в США в семидесятые годы появились агентства координирующие и распределяющие добровольную работу.

⁴ Слово "добровольный" часто употребляется в значении "произвольный", т.е. самостоятельный (например, некто *добровольно*, т.е. сам выплачивает штраф за

просроченный коммунальный платеж, хотя о кантовской *доброй воле* здесь говорить не приходится).

⁵ *Burlingame D.F.* Altruism and Philanthropy: Definitional Issues., Indianapolis: Indiana University Center on Philanthropy, 1993. P. 8. (№ 10).

⁶ См. Гражданское участие: Ответственность, сообщество, власть. М., 1997. С.3-7, 31-44, 66-81.

⁷ *Мандевиль Б.* Опыте о благотворительности и благотворительных школах // *Мандевиль Б.* Басня о пчелах. М., 1974. С. 236.

⁸ См. *Ostrower F.* Why the Wealthy Give: The Culture of Elite Philanthropy. P. 8.

⁹ *Andrews F.E.* Philanthropic Foundations. New York: Russel Sage Foundation, 1956. P. 11; *Nason J.W.* Foundation Trusteeship: Service in the Public Interest. New York: The Foundation Center, 1989. P. 2. В данной статье для нас достаточно характеристика фонда как негосударственной и некоммерческой организации и мы не придаем значения тем особенностям в деятельности фондов (и ее правовом регулировании), которые обусловлены различием между частным и общественным фордом. По критериям, принятым в США, *частным* является фонд, основанный одним физическим лицом (жертвователем), семьей или компанией; если же капитал фонда создается несколькими донорами (жертвователями), то это - *общественная* благотворительная организация (public charity), например, разного рода местные фонды (community foundations).

¹⁰ *Милль Дж. С.* Основы политической экономии (Кн. 5, гл. 11, §13). Т. III. М.: Прогресс, 1981. С. 371.

¹¹ Можно добавить: ей трудно претендовать на всеохватность в особенности в условиях огромных государств - так, при всех усилиях современных частных фондов в России добраться до самых отдаленных уголков, реципиентами индивидуального конкурсного субсидирования являются главным образом жители центров (в первую очередь Москвы, затем Петербурга, Екатеринбург и Новосибирска).

¹² *Милль Дж. С.* Указ. соч. С. 374.

¹³ *Милль Дж. С.* Указ. соч. С. 373.

¹⁴ Там же. С. 374.

¹⁵ *Wheatley S.C.* The Politics of Philanthropy: Abraham Flexner and Medical Education. Madison: The University of Wisconsin Press, 1988. P. X.

¹⁶ *Wheatley S.C.* Op. cit. P. 13.

¹⁷ См. *Апресян Р.Г.* Дилеммы благотворительности // *Общественные науки и современность*, 1997, N 6. С. 56-67.

¹⁸ *Mac Donald H.* The Billions of Dollars That Made Things Worse // *City Journal*, Autumn, 1996, Vol. 6. No. 4. P. 29.

¹⁹ *Nason J.W.* Op. cit.

²⁰ Х.МакДональд обратил внимание на то, что если в годовом отчете за 1938 г. президент Carnegie Corporation, G.Myrdal ратовал за содействие беспристрастным научным исследованиям, которые позволили бы обществу лучше понять себя, то в отчете за 1968 г. тогдашний президент этого фонда, A.Pifer, наоборот, выражал надежду, что деятельность фонда поможет сотрясти доставшиеся от прошлого стерильные общественные институты и механизмы, если фонд будет поддерживать те напористые новые общественные организации, которые бла-

гополучные слои американского общества рассматривали бы как источник беспокойства и, возможно, опасности. (*Mac Donald H. The Billions of Dollars That Made Things Worse // City Journal, Autumn, 1996, Vol. 6. No. 4. P. 26*).

²¹ Крупнейшие фонды США составляют 16% всех фондов и распределяют 62% от всего объема средств.

²² *Сенека*. О счастливой жизни, XXIII // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995. С. 187.

²³ *Andrews F.E.* Philanthropic Giving. NY: Russell Sage Foundation, 1950. P.166.

²⁴ *Nielsen W.A.* The Golden Donors: A New Anatomy of the Great Foundations. NY: Truman Tallers Books: E.P.Dutton, 1985. P. 427-430.

²⁵ Т.е. блага того сообщества или общества, в котором фонд действует. Конкретное прояснение вопроса об общем благе и его критериях в случаях деятельности международных или иностранных фондов далеко не всегда однозначно и требует дополнительного *ad hoc* обсуждения. Критерий общего блага является универсальным лишь на уровне принципиального предварительного условия. Однако его конкретные приложения не обязательно непременно универсализуемы.

²⁶ Начиная с семидесятых годов в Америке усиливается сотрудничество фондов с крупными экономическими корпорациями. Эти отношения все более носят взаимоактивный и взаимопользительный характер: фонды, в особенности крупные, начинают играть значительную роль в изменении инвестиционной политики экономических корпораций, стимулируя расширение их социальных программ (например, в области создания новых рабочих мест, жилищного строительства, образования и т.д.).

²⁷ Эта координация может носить различный характер: в одних случаях фонды могут стремиться избегать дублирования, в других - к объединению своих усилий с теми, что предпринимаются государственными организациями, а в иных - к развитию альтернативных государственным тактик и проектов.